

Василий Попов

Нелюди, противостояние - 2

Пряное послевкусие победы

*Не так ужасен дикий зверь,
Как страшен недочеловек.*

18+

Василий Попов

**Нелюди, противостояние – 2.
Пряное послевкусие победы**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Попов В. Л.

Нелюди, противостояние – 2. Пряное послевкусие победы /
В. Л. Попов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

В продолжении книги события развиваются в пережившем страшную блокаду послевоенном Ленинграде. Не менее кровавые преступления, чем сама война, вгоняют отдельных жителей города в ужас. Создана особая группа для расследования. В процессе следствия выясняется, что начало происходящих серийных преступлений заложено еще во время войны, и даже глубоко в истории молодой советской страны, в судьбах ее жителей, переживших очень тяжелые времена. Люди, участвующие в помощи следствию, становятся вероятными соучастниками зверских деяний и даже подозреваемыми в преступном терзании горожан... ISBN 978-9949-01-026-4

© Попов В. Л., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

*Бесчеловечные мысли в помутневшем сознании,
От гнева и скорби разум слепя,
Толкают к диким звериным желаниям,
Пряным послевкусием победы пьяня...*

Зима. Негреющее солнце, садящееся за горизонт, погружающее город в сумерки. Стук колес и предупреждающий сигнал трамвая красиво звучат в звенящем морозном воздухе.

Катя на ходу машет рукой улыбающейся в ответ вагоновожатой трамвая. Кате нравится зима. Со всеми своими праздниками, горками, санками и снежными бабами...

А еще ей нравится танцевать. Кружась, словно невесомая снежинка, в легком полупрозрачном, «газообразном» платье. Образуя с музыкой одно целое, погружаться в атмосферу сказочного бала под восхищенные взгляды кавалеров, кланяться под хлопанье в ладоши собравшейся вокруг публики.

Катя бежит домой похвастаться успехами маме, утереть нос сестре Таньке, старшей ее на три года и уже даже целовавшейся (по словам Таньки) с мальчишкой из параллельного класса. Девчоночья конкуренция в рамках семьи всегда веселит их часто болеющую мать.

Мать. Она пережила блокаду, успев эвакуировать дочерей далеко за Уральский хребет к родственникам. Мать работала на Кировском заводе и однажды была в двух шагах от смерти. Ее, окоченевшую и попрощавшуюся с образами пришедших к ней дочерей, спас военный патруль. Восстановление. Снова завод, работа, скудный паек. Всё для победы!

Благодарные ей дочери поклялись друг другу никогда не оставлять свою мать.

Это была первая послевоенная зима. Тяжелая, такая же, как и военная. Страна невероятными усилиями возрождалась. Строилась заново. Люди так же ковали победу, только в мирных условиях. Победу над разрухой, голодом и всеми сопутствующими этому факторами.

Накатанная полоска льда возле подъезда. Слабая лампочка. Холодное приветствие на лестнице, видимо, заселившихся новых соседей. Тепло уютной квартиры. Тусклый свет в гостиной.

То, что увидела Катя, не должны видеть дети. Это ломает детскую психику и оставляет нерубцующиеся шрамы на ней на всю последующую жизнь.

Ее мать словно искала что-то, согнувшись возле окна. Но девочка интуитивно поняла, что женщины, родившей ее, вскормившей и воспитавшей, уже больше нет. Ее сестра и самая близкая подруга Танька «подтвердила» этот факт. Подросток лежал на столе, на белой окровавленной скатерти, со странно вывернутыми конечностями, на которых частично отсутствовала плоть.

Катя не заплакала. И не закричала. Не смогла. Ребенок впал в ступор.

Одна мысль не отпускала детский мозг: Танька единственная выполнила клятву – она не оставила маму в одиночестве. Сама Катя не успела на этот «трамвай», где вагоновожатой была смерть, увозящая ее близких к чернеющему на белом снегу проему тоннеля. Вагон прощально прогремел погребальным звоном колокола.

Катя не слышала истеричного визга соседки за спиной. Не замечала суеты незнакомых взрослых людей. Перед ее глазами кадрами чередовались сцены их веселой семейной жизни: день рождения сестры, кружение в танце, взявшись за руки с мамой и Танькой, игра с собакой в летнем парке и в конце эта кровавая сцена перед глазами... Нет! Еще люди (или нелюди), принятые Катей за соседей, спускающиеся по лестнице в момент её торопливого подъема домой.

Тогда они были смазаны радостным эмоциональным состоянием девочки, а сейчас память толкала к ним, к их лицам, к их ужасным глазам и уже окровавленным в ее представлении рукам.

Громкий стук вырывает Сергея из тяжелого сна. Ему часто снится этот сон: его последний полет, горящий двигатель, болтающаяся в небе неуправляемая машина, заклинивший «фонарь», не позволяющий покинуть самолет. Молчание штурмана. Крики раненого стрелка. Замедляющееся вращение лопастей винтов второго правого мотора. Снаряды пушки зашедшего сбоку «Мессера», рвущие фюзеляж. Именно грохот его орудий сливается со стуком в дверь.

На пороге Комов в заснеженной фуфайке, болезненного вида женщина или девушка, смотрящая мимо не одетого и ежащегося от сквозняка хозяина квартиры.

– Ты что, Комов? – Сергей, широко открывая рот, зевнул. – Знаешь же, у меня выходной! Или ты в гости, Гриша? А это кто с тобой?

Представительница женского пола прошла мимо, посмеиваясь то ли над фразой, то ли над интерьером жилища аскета.

– Особое распоряжение. – Комов, отряхнув от снега одежду и обувь, прошел в комнату. – А это Ксения Павловна, отдел...

– Да не важно, какой отдел, – голос спутницы Комова оказался звонким, девчоночьим и в тот же момент по-военному строгим. – Вас что, капитан, на лётных курсах учили полуголым представляться?

– У-у-у... – Сергей, глядя на разведённые в стороны руки напарника, натягивает на себя холодную «угловатую» одежду. – Капитан Никитин. А в чем, собственно, состоит распоряжение?

– Поступаете непосредственно в мое подчинение. – Девушка (а это оказалась именно девушка), скинув дубленку, показала Никитину болезненно бледной, но с яркими синими, выразительными глазами, схожими с васильками в поле. – Дело на особом контроле, утечка информации приравнивается к разглашению государственной тайны и предательству в военное время со всеми вытекающими отсюда... последствиями.

Больше всего на свете Сергей Никитин, боевой летчик, «мечтал» работать под руководством представительницы слабого пола. Он растерянно взглянул на Комова – тот пожал плечами в ответ.

– Может, чая? – промямлил, хмурясь, хозяин комнаты.

– Угощайте, капитан. – Девушка усмехнулась, рассматривая фотографии воздушных асов на стене. – Чего уж там...

Поникший Никитин разлил чай и положил плитку шоколада на стол.

– Ого, – пропела девушка, ломая шоколад и запивая его маленькими глотками горячего, землю пахнущего напитка, – вот это я понимаю, шик!

Нетленный образ Элочки Любоедовой из школьной театральной постановки «Двенадцать стульев» на секунду выплыл из воспоминаний Никитина. Он прокашлялся, отгоня навязчивую иллюзию, и осторожно поинтересовался:

– А вы, простите, по званию кто?

– Лейтенант я. – Девушка переводила взгляд своих веселых глаз с одного мужчины на другого. – Ефимцева, для вас – Ксения Павловна.

Никитин – офицер с семью боевыми наградами разных степеней, несколькими раскрытиями сложных послевоенных преступлений и задержаниями опасных преступников – попал в подчинение девчонки, ниже его по званию, но выше по статусу в «органах».

«Отличное утро, капитан!»

– Да ладно, Сергей Никитин, расслабься ты... – Ефимцева подмигнула ему весело, допивая чай. – Ну какой из меня начальник, сам посмотри? Я к вам прикреплена как консультант по одному очень важному делу.

Никитина с выдохом отпустило. Он снова почувствовал себя на высоте.

– Я так и знал. – Никитин, срывая с вешалки пальто, забывает моментально про существование девушки в погонах. – Что там за дело, Гриша?

– Убийство возле Витебского вокзала. – Комов растерянно поднялся, глядя на окрыленного напарника. – С особой жестокостью и действительно... на контроле особого отдела.

– Разберемся. – Никитин поправил кепку перед зеркалом. – Особый отдел, особая жестокость, мы сами – особые!

– Да приземлись ты, капитан! – Фраза, произнесенная девушкой, остановила его у двери. – Паришь в облаках, как птица... Забыл, что самолет твой сбит уже давно?

– Что? – Никитин развернулся к говорящей всем телом, мельком взглянув на опускающего глаза Комова.

– В моем ты, моем распоряжении... – Девушка, одеваясь, положила на стол подтверждающую бумагу. Стерлась с лица улыбка, в глазах огоньки гнева вместо девчоночьего веселья. – Так хотела посмотреть на тебя во всей красе, а то ты клевал носом, словно сбитый в небе «ястребок».

*

Картина перед глазами Никитина предстала ужасная. Летчики фактически не видят результаты своих боевых действий. Смерть для них – некая абстракция. Кровь – редкость на своем раненом теле или на телах товарищей. Госпиталь во время ранения. Остальное – вспышки разрывов на поверхности земли, горящие в небе самолеты врага или машины однополчан. Ни оторванных конечностей, ни окровавленных, порой обезглавленных тел, никакого кровавого месива...

– Что за...!? – Ком от увиденного, подкативший к горлу, Сергею едва удалось сдержать.

Девочка, лежащая на столе в неестественной позе, была похожа на выложенный символ или принесенную чему-то или кому-то жертву: конечности вытянуты вдоль тела, точнее, левая нога и рука. Правая же нога согнута, и ступня ее возле колена левой ноги, и правая рука вытянута в сторону. Линии прямые, словно на чертеже. Уголки губ на лице девочки слегка приподняты – эффект улыбки.

– Символ какой-то? – Голос Комова пришел издалека. – Иероглиф?

Рядом шелкал камерой фотограф, прикрывая рот рукой.

Плоть с жертвы частично срезана. Кровь на белой скатерти подтеками. В треугольнике, созданном правой ногой, свечка. Догоревшая до конца.

– ...Срезы выполнены острым ножом – таким срезают филейную часть, – донесся монотонный голос эксперта, – разделявая туши. Судя по кровоподтеку, рана в сердце смертельная, она, в принципе, и привела к летальному исходу... Несколько ссадин на шее и предплечье правой руки, возможно, результат борьбы. У меня пока всё.

– А что со вторым трупом?

– Женщина, – прокашлялся эксперт с красными воспаленными глазами. – Также прямое ножевое ранение в сердце, только со спины, смерть мгновенная.

– Что говорят соседи? – Голос Ксении Павловны, несколько надломленный, заставил вздрогнуть Комова, смотревшего, как накрывают тело девочки и уносят.

– Мать, две дочери. – Рябого участкового мutilo от увиденного на месте преступления, он боролся с подступающими к горлу спазмами. – Отец, по неуточненным данным, пропал без вести на фронте. Мать пережила блокаду, дождалась дочерей из эвакуации. Ни врагов, да и ни друзей особых у семьи... Так, соседская поддержка и сплоченность в рабочем коллективе завода. Никто ничего на момент... преступления не слышал.

– В кухне и коридоре обильно рассыпана смесь перцев, – доложил кинолог, отводя глаза от отпечатка тела ребенка, оставшегося на скатерти. – Собака след не возьмёт.

Присутствующие проводили взглядом носилки со скрюченным телом пожилой женщины.

– Что с оставшейся в живых девочкой? – Никитин осмотрел присутствующих, избегая встречи взглядом с новоиспеченной начальницей.

– Ее забрали врачи, – участковый пожал плечами, – напичкали успокоительными, девочка не смогла связать и пары слов...

– Значит, надо допро... – Капитан на секунду замялся, стыдясь собственной формулировки. – Побеседовать с ней в больнице...

– Послушайте, капитан! – Голос стоящей у окна Ксении раздался резко, как выстрел, заставляя всех вздрогнуть. – С ребенком будем беседовать только после того, как она полностью оправится после потрясения. Лучше займитесь выяснением, почему кровь, возможно, жертвы оказалась на этом предмете?

Ксения держала детскую куклу. На платье искусственного подобию ребенка следы красной субстанции.

Никитин, стиснув зубы, заиграл желваками.

– И подписку о неразглашении... – Он, всем видом выражая свое неподчинение Ефимцевой, кивнул Комову и демонстративно направился к выходу. – Со всех поголовно.

Снег пухом медленно покрывал освещенный тусклой лампочкой и вытопанный пяточок возле подъезда дома. Темнели за оцеплением силуэты жильцов, встревоженных событием. Сергей остановился возле машины.

– Можно вопрос? – И, не дождавсь разрешения, взглянул в глаза Ксении. – Почему вы!?

– А почему нет? – Она стойко выдержала взгляд летчика, прикуривая длинную дамскую папиросу. – А ты знаешь, капитан, почему ты?

Никитин отвел глаза в сторону, на секунду задумавшись, и он снова встретился с прищуренными глазами особистки.

– Нет.

Ильич сидел в юрте шамана и смотрел на раскидываемые по шкурам животных черепки. Он не верил в то, что серьезное психическое заболевание, которым он страдал, может быть излечимо заговорами, песнопениями, стуками бубна сидящего перед ним маленького человека с обветренным лицом, о существовании национальности которого Ильич узнал лишь пару дней назад.

Узкие глаза сидящего перед ним коренного жителя северных земель расширились. Он сказал что-то женщине, появившейся из-за висящих шкур зверей, заменяющих в жилище перегородки и двери. На своем, непонятном для Ильича, языке. Та, вскользь взглянув на гостя, удалилась.

– Я вижу, что с тобой. – Акцент говорящего минимален, он нервно потряхивает бубном возле колена, звеня колокольчиками музыкального инструмента. – Я вижу, кем это дано тебе... И это темная сила. Но я не вижу пути исцеления. – Он, затянувшись трубкой, выдыхает пахучий дым вверх, к конусу юрты. – Мои камни говорят: ты должен прийти к этому сам.

– Каким образом? – Ильич тяжело вздыхает, всем видом показывая свое нетерпение.

– Не знаю... – Шаман еще раз бросил камни и снова пыхнул трубкой. – Это идет из прошлого, из твоего прошлого. – Он прислушался к лаю собак, донесшегося снаружи. – Из прошлого, связанного с этой... бедой. Я вижу болезнь, это как чума...

Появилась женщина шамана из-за шкур, ограждающих их от внешнего мира. Она протягивает Ильичу кружку с дымящимся настоем.

– Пей! – Почти черные глаза шамана сверкнули, отражая пламя очага.

– Что это?

– Не спрашивай. Просто пей!

Ильич сделал несколько глотков пахучей, но абсолютно безвкусной жидкости. Жар, проникший в организм, дошел до самых ног, окружающая обстановка смазалась, оставляя четким только пламя огня, горящего в центре юрты. В нем Ильич и увидел свое прошлое...

Радостные лица жены и дочери. Их последний семейный пикник возле озера. Счастливые глаза и улыбки близких сменили эпизоды войны. Страшные эпизоды войны: рвущиеся рядом снаряды, гибнущие десятками, сотнями солдаты. Падающие людские тела с оторванными конечностями, окровавленные, искалеченные... Вытянутое лицо немецкого офицера СС. Вырываемая им человеческая плоть. Поедаемая им плоть. Промелькнули лица лагерных уголовников. Гавкающие и рвущие поводки овчарки. Обреченно идущие на смерть целыми колоннами мирные жители, вспыхивающее пламя горелок огнеметов. Газовые камеры концлагерей, заключенные в полосатых робах с номерными обезличивающими нашивками, тошнотворный запах...

Закашлявшись, Ильич вернулся к действительности. Едкий дым, выдыхаемый шаманом в его лицо, щипал глаза и нос.

– Ты видел всё?

– Я не увидел ничего нового... – Ильич вытер покрытое испариной лицо.

– Пойми, я тоже вижу только знаки между нашим миром и тем. Не знаю, как объяснить это доступно. Это... как прочесть ненаписанное, – шаман бросил пучок сухой травы в огонь костра, секундная вспышка высветила злую маску на лице хозяина юрты, – увидеть несуществующее, коснуться нематериального... Чего-то определенного там нет!

Ильич отмахнулся от выплывших на секунду из прошлого образов. Он устал от абстракций и недосказанности. Непонимание угнетало его.

– Что мне делать? – Ильич невольно потянулся к руке шамана, но его остановил взгляд узких глаз, проникающий в него, внутрь, глубоко.

Пауза. Ильич тонет в чернеющих глазах человека напротив. Треск дров и доносящиеся звуки внешнего мира растягиваются. Шорох шкур останавливает это наваждение. Шаман резко обернулся на очередное появление своей женщины.

– Тебе не нужно бежать! – Он принял из ее рук небольшой матерчатый мешок и протянул его Ильичу. На ощупь сухая трава. – Тебе надо идти к своему прошлому в будущем, только там ты найдешь ответы на свои вопросы. Только там твое избавление и покаяние.

Шаман поднялся, как старик, опираясь на руку своей спутницы жизни. Бубен, упав возле его ног, тоскливо звякнул. Черепки рассыпались на полу. В узких глазах женщины шамана неприязнь к Ильичу.

– Ты сам поймешь, что с этим делать. – Он кивнул на траву. – Прошлое уже сделало шаг тебе навстречу. Иди и ты к нему!

Ильич, вырвавшись на свежий воздух, почувствовал слабость. Он улегся в повозку и, укрывшись шкурами, вяло махнул рукой провожающей его, стоящей возле юрты паре.

Собаки тянули упряжку. Кричал им на своем языке погонщик. Мороз и вьюга сладко убаюкивали. Вдалеке зеленели всполохи северного сияния. Как вспышки артиллерийских взрывов из его прошлого. Неотпускающего прошлого. А теперь еще и идущего навстречу.

*

Прошлое же Ильича разделилось на несколько частей.

Контузия. Разрыв авиабомбы, сброшенной с бомбардировщика ведущего звена эскадрильи Военно-воздушных сил Красной армии, управляемого летчиком Сергеем Никитиным, сыграл в этом разделении немаловажную роль. То, что во время авиаатак и артобстрелов в войнах гибнут свои солдаты и мирные жители, ни для кого не секрет. Невинные жертвы войны. Но они меркнут на общем фоне, ведь все делается во имя победы. Это оправданные жертвы.

Авиабомба, разорвавшаяся рядом с Ильичом, смешав с кирпичной крошкой, погребла его заживо вместе с истерзанным телом офицера СС в общем «склепе». Накрывая их толстым «саваном» из земельной грязи, пепла и обломков здания.

В общей могиле два человеческих существа с бесчеловечными пристрастиями и поступками. Такое завершение жизненных путей обоих нелюдей, стремящихся друг к другу и потенциально ненавидящих друг друга, могло бы быть вполне закономерным.

Но вмешалась судьба или странное стечение обстоятельств, а может, просто любовь животных к своему хозяину или даже, скорее, нелюбовь.

Две немецкие овчарки, скулящие над еще дымящейся смесью почвы и крошки зданий, привлекли внимание стоящего на посту часового.

Стук железа лопат о камни. Донесшийся из-под земли стон.

Мурашки по коже у видевших многое за время войны воинов. Обезображенный труп немецкого офицера мертвой хваткой «держится» за издающего едва слышимый стон человека. Огромных усилий стоило разъединить полуживого и мертвого.

Завершением стала финальная сцена: овчарки, скулящие и привязанные во время проведения спасательных работ, сорвались с поводков и набросились на скрюченное тело мертвого эсэсовца. Они буквально рвали его на части, рыча и не подпуская к жуткой сцене советских солдат. Собак пришлось отстрелить.

Раненого и контуженого в тяжелом состоянии отправили в госпиталь. Не дано было умереть в тот день Ильичу, ведь он должен был «жить и убивать тварей».

Контузия, полученная при взрыве, частично стерев память Ильича – на тот момент командира партизанского отряда Ивана Кочубея и просто человека без документов, чудом избежавшего смерти, пришедшего убивать своего личного врага, – столкнула его с человеком, кто и свяжет его прошлое с будущим.

*

– Частичная дисфункция некоторых частей тела – конечностей, мышц лица – в результате контузии. – Главврач нервно курил, глядя в неприятные глаза работника особого отдела. – И, что хуже всего, ослабление работы функций головного мозга.

– Это что значит? – Капитан Егоров, глядя «сквозь» врача, думал о своем, о наблевшем. – Он что, совсем у него не работает?

– Частично, я думаю... Надеюсь, в основном задеты клетки, отвечающие за память, – врач мимикой лица отогнал подбежавшую к ним медсестру, – но я думаю, всё восстанавливаемо. И все, в первую очередь, зависит от состояния его организма...

– Как долго?

– У всех это протекает по-разному: кому-то достаточно месяца, а кому-то не хватает и нескольких лет, но в этом случае, как показывает практика, – врач сквозь стекла очков взглянул в пустоту глаз Егорова, – память пациента не подлежит восстановлению.

– Плохо, доктор, плохо... – Егоров обвел глазами интерьер пустой операционной и пошел к выходу. – А разговор с ним...?

– Сейчас фактически бесполезен. – Врач за его спиной махнул рукой направившейся к ним помощнице. – Я думаю, стоит подождать какое-то время.

– Он что... – капитан остановился, словно услышал скрытую ложь в убаюкивающем голосе врача, – сейчас как этот кактус?

Они оба взглянули на одинокое ошетилившееся растение в треснутом горшке на окне. Каждый увидел в нем своё: капитан – голову мальчишки, не дающего ему спокойной жизни в школе и давшему определение жизненного пути в итоге, главврач почему-то – отправку на передовую простым санитаром, кем, в принципе, и служил во время Гражданской войны.

– Отчасти, – сглотнул слюну врач, – отчасти...

– Поработайте с ним, доктор, какое-то время, вспомните свое основное призвание как медика. – Капитан, пожимая руку врачу, смотрел в поблекшие зеленые глаза стоящего напротив него человека, мысленно определяя его судьбу. – Это в ваших интересах... Если он не восстановится, с ним будут работать профессионалы, светила медицины. Это подтвердит вашу некомпетентность, Игорь Викторович и, ко всеобщему сожалению, поставит под угрозу судьбу вашей дочери. – Капитан улыбнулся, глядя вдаль. – Вы же не забыли, замужем за чьим сыном она в данный момент?

– Но причем тут...?

– Работайте! Нам очень нужна информация, застрявшая в памяти этого пациента. Да, да, для вас он не раненый, а именно пациент. – Егоров похлопал сжавшегося от услышанного пожилого человека по плечу. – Или работать с вами будут светила из нашего ведомства, а это, как понимаете...

– Да, да... – Врач, расстегивая ворот кителя, беспомощно опустился на один из стоящих в коридоре стульев.

Ненависть. Нечеловеческая ненависть, погасшая годами ранее, захлестнула главного врача госпиталя. Ненависть к контуженному раненому, заинтересовавшему Игоря Викторовича своим появлением – неординарность случая и возможность исследований, ход которых остановила война. Ненависть ко всему персоналу, с пониманием «прочитавшему» диалог особиста и главврача. Ненависть ко всему политическому строю огромной страны, за который он когда-то так усердно боролся, воевал в рядах Красной армии. Ненависть к своей диссертации на тему «неизведанные участки человеческого мозга». И даже ненависть к своей дочери, в которой он души не чаял, но которая выбрала не того мужчину как спутника своей жизни.

Сто граммов разбавленного медицинского спирта разожгли огонь в груди Игоря Викторовича и слегка пригасили пламя ненависти.

– Что же в тебе такого незаурядного, кроме контузии, полупустых глаз и нечленораздельной речи? – Главврач смотрел через дверное стекло палаты, как пациента кормила сестра с ложки, ласково разговаривая с ним и вытирая испачканный рот. – Что же в тебе такого...?

Даже от тяжелораненого человека, находящегося в палате, исходила неведомая сила. Нечеловеческая. Демоническая. И это еще больше притягивало главврача: он понимал, что пациент перед ним уникальный, а угрозы особиста – тому лишнее подтверждение.

Раненый мычал что-то неразборчивое, трясая правой рукой. Левая сторона головы отнялась, делая из его лица уродливую маску с неподвижной половиной.

– Господи, – едва слышно всплакнула медсестра, вглядываясь в пустые глаза, подернутые поволокой, – неужели и жизнь твоя разделится на две половины...?

– Полина, заканчивайте кормежку! – Голос главврача заставил сестру вздрогнуть и поторопиться. – Остальные раненые ждут.

Не знала Полина, что не на две части разделится жизнь лежащего перед ней человека, а гораздо больше, пугая своей многоликостью, многогранностью и бесчеловечностью.

– Товарищ полковник, к вам Ефимцева, – раздался голос дежурного в трубке телефона.

– Пусть войдет!

Полковник Ярцев, вскакивая, одной рукой смел крошки со стола, второй бросил папку в сейф и вытянулся, одергивая китель. Повзрослевшая дочь его бывшего боевого товарища вгоняла его в неосознанный ступор. Только одним присутствием. Взглядом. Ярцев не знал причин и не стремился раскопать их в самом себе, он попросту пытался соответствовать образу человека, заменившего девушке отца.

– Товарищ полковник...

– Ксения, дорогая, – перебил входящую Ярцев, подводя к стулу, – проходи, располагайся, и сколько раз говорил: забудь ты о полковнике! Соблюдай субординацию на людях, здесь, в кабинете, ты всегда как дома.

– Спасибо, Егор Юрьевич. – Ксения устало разместилась на стуле.

– Вот, уже лучше, узнаю маленькую вихрастую Ксюху, тягающую печенью со стола и требующую исполнения романсов от матери... – Полковник осекся, понимая, что не следовало вспоминать ушедших родителей Ксении. – Чай!

Они молчат, пока подчиненный полковника неуклюже разливает «густой» напиток. Она смеется, как Ярцев, нервничая, выгоняет дежурного.

– Ты клади сахар-то. И шоколад трескай! – Ярцев, сложив руки под подбородком, умиленно смотрит на Ксению. – Бледная какая, прям неземная... Ты паек дополнительный получила?

– Да, спасибо, – она улыбнулась, – только не лезет ничего что-то, дядя Егор.

– Ну-ну, чтоб ела! Это приказ. – Ярцев наигранно нахмурился. – Или буду приходиться проверять. А то... И кормить начну сам, с ложки.

Они рассмеялись, глядя друг на друга, гремя кружками о блюдца и хлюпя горячим напитком.

– Ну... Что у тебя, рассказывай! – Полковник отставил свою кружку в сторону.

– Этот Никитин, капитан... – Ксения замялась, словно рискнула затронуть закрытую тему.

– А что с ним не так?

– Да не знаю, кажется всё...

– Ну, лейтенант Ефимцева! Что за формулировки? – Полковник нахмурился и, отмахиваясь от дыма папирос Ксении, подошел к сейфу. – Мы проверили его по всем ведомствам. Всё в порядке. Была там одна мутная история... но она к делу не относится. – Он захлопнул папку с делом бывшего летчика. – Он лучший на данный момент в городе. Ты просто обязана с ним сработаться.

Ксения, докурив, нахмурившись, молчала.

– Моя интуиция...

– Ксения! Факты. Только факты! – Повысив голос, полковник расстроился, словно оскорбил любимого человека. Покраснел. И выходя из неловкого положения, принялся выгонять её: – Все, иди работай! И отчет мне в понедельник утром на стол.

Ксения обернулась возле двери, пытаясь что-то сказать.

– Только факты! Иначе уволю ко всем чертям из органов...

*

Никитин пересекал кабинет по диагонали. Будучи летчиком, он был стеснен габаритами кабины, но всегда знал, что за бортом боевого летающего крейсера необъятный простор, называемый кротким военным термином «воздух».

Сейчас же кабинета было мало. Так было всегда, когда эмоции зашкаливали. Причиной этих эмоциональных волнений была, конечно, лейтенант особого отдела, которой было поручено ведение непростого дела. Несмотря на его возраст, боевой опыт и опыт оперативной работы в уже мирных условиях.

И все же что-то было в ней – этой болезненно худой, с порой восторженными глазами, девушке. Что-то. Но это что-то не перевешивало чашу весов, на которой находились гордость и амбиции боевого летчика.

– Ну вот где она? – Никитин знал, что коллеги не ответят на этот вопрос, даже если знают ответ. – Где материалы дела? Где дела аналогичных преступлений, о которых она тут пела?

– Она в Главное управление поехала. – Комов был единственный, кто мог вставлять фразы в подобные моменты эмоционального волнения своего начальника, а по совместительству напарника.

– С делом!? – Никитин на секунду остановился возле окна, заметив пикирующую птицу, его рука невольно потянулась к несуществующему штурвалу, но он вовремя вернулся в реальность. – Так взяла бы туда труп девочки отвезла, чтобы наглядно показать, ...отчитаться, как полагается. Мы что, сидеть без дела будем?

– Так мы и так всё знаем... – Голос Комова перемешался со звуками глотков поглощаемого им чая и звоном бьющейся при этом о стекло стакана ложки. – Вон эксперты здесь, фотограф со снимками. Доктор с результатами, – Комов взглянул на дно стакана, – вскрытия...

– Комов!? – Впервые Никитин развернулся лицом к коллегам. – У тебя скачок по карьерной лестнице в сторону особого отдела!? Или твоя защита на чем-то другом основана?..

– Успокойтесь, капитан, – донесся голос Ксении из-за полуоткрытой двери кабинета. – Орете там, как на аэродроме... Всех уже тут распугали! За делами я ездила. – Она вошла, едва заметно кивнув всем, не удостоив взглядом только самого Никитина, – Взять их тоже не так просто. Надо подтвердить схожесть преступления хотя бы на пятьдесят процентов, поэтому и брала дело с собой.

– А что вашему слову... уже не верят? – Сергей снова отвернулся к окну, ища глазами в хмуром небе птицу, как ищет в небе самолет врага боевой летчик.

– Верят. – Ксения устало опустила на стул. – Но до определенной буквы каждого сказанного мною слова.

*

Преступления действительно были идентичны. Тела расположены в различных позах на столах, словно жертвоприношения древним богам. Изгиб конечностей тела формировали очередной символ. Свеча, а где-то и две, дополняли ужасный «рисунок». Отличие в незначительных деталях: где-то вместо скатерти лежала простынь, сорванная второпях с кровати в спальне. Это подтверждало стремление убийцы (или убийц) придать священность, ритуальность своему страшному деянию.

Рабочие кадры, сделанные при плохом освещении, тем самым подчеркивающие ужасную реальность, заставили многих из присутствующих ощутить шевеление волос на голове.

– Ну что скажете, сыщики? – Ксения во время ознакомления с делом группой стояла у окна и курила. – На данный момент вы самые лучшие в городе. Какие первые впечатления? Часто от них многое зависит.

Сидящие за столом переглянулись между собой. Некоторые гордо приподняли подбородки. Многим из них не было и тридцати. Революция, Гражданская война и Вторая мировая омолодили ряды силовых учреждений, наделяя страшным кровавым опытом ее членов. Да и «зачистки»... Под карающий меч «правосудия» НКВД попадали в основном товарищи более старшего поколения, кто уже наделал жизненных «ошибок» высказываниями и своими мыслями или попросту мешал крутиться жерновам власти. Молодежь была ослеплена идеей «светлого пути коммунизма» и свято верила в его будущее.

Опять же, комсомол – незаменимый помощник партии.

Во многих ведомствах работали едва сформировавшиеся мальчишки и девчонки, имеющие в своей практике такое, чем в мирных условиях не каждый взрослый сможет похвастаться. Но только не в это время и не в этой стране. В стране, где террор и массовые убийства очередными вспышками в течение десятилетий оправдывались идеологическими мотивами и партийными тезисами. Оправданные жертвы...

Но это все отголоски демагогии. Несмотря ни на что, страна сплотилась и при помощи невероятных усилий победила фашизм. Даже с учетом репрессий, переполненных лагерей и невинно казненных своих сынов.

– Если делиться именно первым впечатлением... – Комов задумчиво рассматривал снимки из привезенных Ефимцевой дел, передавая их товарищам, сидевшим за столом друг напротив друга. – Исходя из своего личного опыта...

Гриша закашлялся, ощутив на себе полдюжины удивленно-встревоженных взглядов.

– Письмо! У меня складывается впечатление, что он пишет письмо. – Комов, поправив челку черных, как смоль, волос, краснея, нелепо улыбнулся. – Убийство – иероглиф с заложенным смыслом, еще жертва – очередное послание. Ч-е-го!? Я в детстве увлекался и писал девчонкам...

– Так, еще кто? – Голос Ксении, подстегивая кнутом, заставлял шелестеть листами папок и шевелить мозгами.

– Он определенно силен, если это одиночка, конечно. – Миша Данилов, рассудительный, не говорящий лишних слов, пришел в милицию после войны, сразу попал в отдел по борьбе с бандитизмом. Физически крепок, хладнокровен, прямолинеен; год во фронтовой разведке, десяток выходов за линию фронта и столько же диверсий в составе группы. – Да, жертвы преступления – дети и подростки до пятнадцати лет, но везде убит кто-то из взрослых. А в пригородном случае даже бывший военный. – Миша развел руки в стороны, опуская папку с материалами дела на поверхность стола. – Молодой, сильный мужчина, имеющий боевой опыт... Тут как бы все само за себя говорит.

– Ещё? – Ксения взяла со стола граненый стакан с чаем и просто грела о него руки, глядя на медленно падающие снежинки за окном.

– Он где-то наследил. – Виктор Белый, не имеющий боевого опыта работник уголовного розыска, не взятый добровольцем на фронт из-за врожденной травмы ноги, но обладающий аналитическим складом ума, и поэтому также был необходим в команде. Виктор стрелял не хуже всех здесь собравшихся, но это не помогло ему встать в строй во время мобилизаций – полсотни отказов от медицинской комиссии. Фотограф, от которого вечно специфически пахло реактивами. – Первые два преступления совершены в городе, следующее – пригород, а затем он расширяет поле своей... деятельности, словно скрываясь, уходя за сотни километров от города.

– Интересная версия... – Ксения глотнула невкусного, но согревающего, отдающего землей напитка. – А может, погодные условия... Не думал об этом?

– Сезонность? – Виктор вскинул свои красивые глаза на Ксению и затараторил: – Ну да, в принципе, возможно... Территория санатория в мае и... – Он торопливо листал страницы папки под нетерпеливыми взглядами остальных. – Колхоз Ленинец в августе. Логично...

– Или просто летом любит пикник на природе. А? – Ксения как-то странно улыбнулась, вызывая недоумение на лицах присутствующих.

– Может, он все-таки запутывает следы? – Ежов Олег, также военный, связист, обеспечивал связью передовые части в тяжелых боевых условиях. Был лучшим в своем деле, передвигался незаметным для немецких снайперов, используя идеальные методы маскировки, которые сам и разрабатывал. – Переезды с места на место... Эту версию отбрасывать нельзя. – Олег стремился в разведку, но прошлое его отца, от которого он даже отрекся, не давало сбыться его мечте. Он взглянул на Данилова (разведчика) с некоторой иронией. – Ну и удары. Точечные удары в сердце. Это или человек, подготовленный к подобному... убийству, или хорошо знающий анатомию тела...

– Доктор? – Ксения улыбнулась «точечному удару» Ежова.

– Не знаю... – Василиса Васильева, по прозвищу Три "В" (отчество ее Васильевна) была самая старшая в группе. Медицинское образование, практика в хирургии. Банальная травма сухожилия не позволила перспективному хирургу далее оперировать, но знакомства мужа, погибшего на фронте, дали возможность работать в учреждении с дополнительным пайком, что было немаловажно для женщины, воспитывающей двух детей в условиях блокады. – Даже

на некоторых малых скотобойнях практикуют точечный удар в сердце. Из неразборчивых описаний патологоанатомов, представленных вами, дело может связать в единое целое то, что жертвы сначала убиты, а затем с них снята частично плоть, если можно так сказать, филейная часть... специальным филейным ножом, ну вы сами все читали. Несомненно, это напрямую перекликается с нашим делом, и мое мнение: это серия. – Василиса потрогала шрам на своей руке и, заметив общее к этому внимание, одернула рукав, пряча причину своей «смерти» как хирурга.

– Никитин? – Ксения устало взглянула на летчика, прерывая внезапно возникший всеобщий гул в кабинете.

– Может, мое мнение слишком отвлеченное... – Никитин прокашлялся, глядя на модель военного самолета, стоящую на шкафу. – Я вижу все-таки больше, чем, как это сказать, «гастрономический интерес» убийцы. Послание? Да, возможно. Но это все второстепенно. Жертвы в основном упитанной комплекции, что, понятно, немаловажно в условиях послевоенного голода. – Он взглянул на Ефимцеву, убеждаясь, что его слова доходят до «адресата». – Это дети чиновников или военных из верхних эшелонов власти. Что тоже можно списать на «гастрономические интересы» преступника. – Никитин оглядел лица присутствующих, чьи взгляды ожидающе прикованы к нему. – Именно это объясняет сверхсекретность дела и участие в нем работника особого отдела...

– Так! – Ксения, бледнея лицом, резко встала. – Все устали... Распишитесь, товарищи, о неразглашении и завтра в восемь начнется интенсивный поиск убийц. Команда ваша утверждена. Отдел засекречен, работаем под литерой «М». Все сводки, в первую очередь, доставляются к нам, и у нас полная свобода действий и поддержка на самом высоком уровне. Никитин, задержись!

Коллеги, покидая кабинет, прощаясь, сочувственно кивали Сергею.

– Ты что же думаешь, Никитин, – Ксения подошла вплотную к капитану, ее глаза темнели от гнева, – что сейчас, растрюбив направо-налево о подобном, происходящем в центре страны, возрождающейся из пепла, оставленного войной, мы поднимем её моральный дух!?

От нее пахло приятно мылом и женским телом. Несколько портил впечатление запах табака.

– Да дело больше не в огласке и сверхсекретности...

– А в чем тогда!? – Ксения ткнула указательным пальцем в грудь летчика, туда, где на ткани защитного цвета френча виднелись дырки от боевых орденов.

– Тише, тише, товарищ особист, гнев не ваш конек. – Никитин рассматривал вблизи ее лицо, бархатистую и слишком бледную кожу, проступившие на ней от волнения пятна. – Вам бы детей рожать и воспитывать, да мужа заботливо с работы ждать...

– А я уже воспитывала... дочь. – Ксения, не отрывая взгляда от расширенных зрачков глаз Никитина, сглотнула слюну. – Только однажды кое-кто другой пришел, и явно не с работы...

– Кто?

– Пошел вон! – Ксения, отворачиваясь, процедила сквозь зубы.

*

Ксению, несмотря на ее удостоверение, неохотно пропустили в клинику. Пришлось сделать несколько звонков в управление.

Ожидая профессора Вяземского в коридоре, она рассматривала пациентов, чье поведение казалось вполне тихим и адекватным. Ей, наоборот, виделись ненормальными лица, мимика и смех санитаров, стоящих неподалеку от нее. Их ненормативная лексика не стесняла их в своем проявлении, несмотря на стоящую рядом прилично выглядевшую девушку.

– Ксения Павловна? – раздался мягкий голос за ее спиной.

Внешний вид профессора оказался вполне типичным: пожилой, седой, в очках с круглой оправой, опирающийся на трость из толстого бамбука. Само собой, отождествляющий всю медицину белый халат.

– Да, это я. – Она полезла в карман за удостоверением, чтобы подтвердить свою личность.

– Мне достаточно звонка. – Профессор поднял руку, предупреждая ее порыв. – Тем более, в мире, когда по одному звонку протезируют, продвигают по службе, арестовывают и расстреливают...

– Вы что-то хотите озвучить конкретное? – Ксения шла по коридору, ведомая жестом, приглашающим ее.

– Нет, что вы! Метафоры, метафоры... – Профессор едва заметно кивнул, представляясь, сжимая в тонкую линию губы: – Игорь Викторович Вяземский.

Кабинет врача светлый, впрочем, в тон всему интерьеру клиники. Наличие удобного кожаного кресла и еще нескольких предметов интерьера подчеркивали значимость положения в клинике хозяина кабинета. Профессор лично заваривает чай, украдкой рассматривая гостью, не отрываясь от ритуала приготовления к чаепитию. В итоге хозяин кабинета располагается напротив нее в удобном кресле.

– М-м-м, неплохой аромат... – Ксения искренне удивилась. – Настоящий чай она пила последний раз до войны. Перед ее самым началом, на даче своих родственников – она даже мельком ощутила привкус вишневого варенья, которое в тот день ели с двоюродными сестрами.

– Аромат... – Профессор улыбнулся, закрыл глаза, мечтая или вспоминая. – Как хочется порой оградиться от бытовых запахов, уйти от вони испражнений, туда, к ароматам дорогих женских духов, французских вин, и коснуться обонянием амбре цветущей магнолии. Иногда мне просто не хватает присутствия в блюдах базилика, розмарина или тимьяна... – Он внезапно поспешно открыл глаза. – Впрочем, я отвлекся! Вы извините, мы не любим, когда в клинику приходят чужие, несмотря на их статус и положение в обществе и даже непосредственную причастность к органам. Так чем я обязан?

– Пару дней назад к вам поступила девочка. – Ксения, допив чай, закурила папиросу, кивком благодаря за пододвинутую к ней пепельницу. – Сильное психическое потрясение после...

– Катенька. Да, да, – профессор мечтательно взглянул в окно, – есть такая девочка у нас. Очень тяжелый случай. Тем более, нам неизвестны причины шока. Формулировка настолько «бедная» – свидетель жестокого убийства. Трудно работать с пациентом, имея на руках такие сухие материалы. Приходится самим искать причины потрясения, порой еще больше травмировать человека своими вторжениями в его сознание...

– Как сейчас себя чувствует девочка? – Ксения невольно поморщилась трактовкам профессора.

– Знаете, Ксения, – он слегка дрожащей рукой долил чая в ее кружку, – срок после пережитого пациенткой шока очень короткий. Конечно, девочка в ступоре, абстрагирована стрессом и частично лекарствами от внешнего мира. Но, что интересно, на второй день она начала рисовать, царапая краску покрашенного окна куском битого кирпича, вытасненным(!) из небольшого пролома в стене ее палаты...

– Что, что она рисовала? – Ксения, волнуясь, закурила еще одну папиросу, не потушив предыдущую.

– Образы, как мне показалось... – Профессор, подойдя к дальнему столу, положил руки на заспиртованные в банках внутренние органы человеческого тела. – Я распорядился оставить в ее палате альбомные листы и мелки. Я не ошибся – это действительно образы и, видимо, преследующие её.

– Я могу взглянуть на них? – Ксения с отвращением смотрела на заспиртованные части человеческого тела.

– На анатомию? – Профессор удивленно поднял брови, убирая руки от сосудов.

– Нет же... – Ксения, снова поморщившись, стукнула ладонью по поверхности стола. – На ее рисунки.

– Ах, милая девушка... – Он театрально сел в кресло, абсолютно забыв при передвижении о трости. – Услуга за услугу. Вы мне информацию – я вам рисунки!

– Вы что себе позволяете, товарищ!? – Ксения даже растерялась от наглости, медленно поднимаясь со стула. – Что за шантаж? Или вы до конца не осознаете, за каким ведомством закреплено дело этой девочки?

– Исключительно, – профессор выговаривал каждое слово по слогам, – исключительно для достижения необходимых этому же ведомству целей мне и нужна подробная информация о тех или иных действиях, очевидцем которых пациентка стала, и которые так повлияли на ее психическое состояние.

– Мне необходимо сделать звонок. – Она выдохнула, услышав логику в мотивациях профессора. – И, если я получу разрешение, вам будет необходимо поставить вашу подпись на бумаге...

– О неразглашении. – Вяземский театрально вздохнул. – Знали бы вы, моя дорогая, сколько я их уже поставил... Звоните, телефон к вашим услугам!

На удивление Ксении, положительный ответ был дан достаточно легко.

*

Ксения, как и товарищи, собранные ею в особую группу, тоже видела многое за свою жизнь. Но эти рисунки! Девочка использовала только два цвета: черный и красный. Со слов медперсонала, остальные мелки проигнорированных пациенткой цветов были найдены раздавленными на входе в ее палату утром.

Образы? Ксения нервно усмехнулась оценке художественного исполнения, данного профессором. Демоны. Ужасные человеческие лица и головы с клыками неопределенных демонических существ. Окровавленные рты, их ужасные руки...

– У девочки абсолютно не было тяги к рисованию. – Учительница с лицом, покрытым оспинами, смотрела на Ксению сквозь стекла очков. – Ей объем-то в простой его форме был недоступен, что уж там говорить о лицах – только плоскости... У меня, кстати, где-то есть последние работы их класса.

Ксения взглянула на стены кабинета – видимо, лучшее из школьных работ: парусник с натянутыми парусами в штормовой стихии вот-вот сорвется с листа бумаги, бронепоезд с символикой комсомола мчится к светлому будущему... Все очень живо и реалистично.

– Вот ее работа. – Пошелестев листами, учительница представила ей рисунок с тремя людьми, по-детски исполненными, – взрослая женщина и две девочки, судя по галстукам, все в пионерской форме. – И вот, например, ее одноклассник... Работа не самого одаренного мальчика.

– Да, контраст очевиден. – Ксения задумчиво вернулась к рисунку Кати. – Пионервожата?

– Я думаю, мама... – Учительница закрыла рот руками, словно только сейчас осознав причину появления следователя в школе. – У нее это во всем было. Если парк, то три дерева: одно большое и два маленьких, отдельно от всего массива, если цветы...

– Я возьму? – Ксения подняла перед глазами учительницы рисунок Кати.

– Да, конечно. – Учительница вытерла слезу и, провожая, слегка коснулась плеча Ксении. – Катя отлично танцевала, движения были пластичны и всегда в такт музыке. Ведущая танцевального кружка рекомендовала ее...

У Ксении, идущей по коридорам школы, тихим во время уроков, перед глазами лицо профессора, переваривающего информацию по убийству. Он кивает головой, понимая причины произошедшего с девочкой, словно в его понимании дорисовывается целостность про-

изошедшего из отдельных фрагментов. И убийство родственников Кати – это лишь часть чего-то большого и целого. Убийственно ужасного.

Она помнит, как профессор дрожащей рукой подает ей очередной листок, последний из трех, что успела за короткий промежуток времени нарисовать Катя. На нем офицер в немецкой форме, с черепом в петлицах – принадлежность войскам СС. Ужасное лицо, впившееся зубами в руку, по очертаниям явно видно – в плоть ребенка.

– Ладно лица, образы, – Ксения еще пребывает в состоянии шока от увиденного ею, – но форма офицера?

– Это как раз вполне объяснимо, – задумчиво говорит профессор, глядя в потолок. – Это она могла увидеть и на агитационных плакатах, размноженных по всей стране. Меня беспокоит сам смысл...

– Что вы имеете в виду? – Ксения переводила взгляд с одного рисунка на другой, – Что-то конкретное?

– С ваших слов, девочка могла видеть только результат убийства. – Он несколько лихорадочно постучал ребром ладони по бамбуку трости. – Срезанная с тела ее сестры плоть. Она не могла видеть саму суть каннибализма – поедание плоти...

– И...?

– И значит, все лежит где-то гораздо глубже. – Профессор внезапно засуетился, складывая рисунки в отдельную папку. – Извините, мне нужно работать!

– Вы что-то знаете, – Ксения поднялась со стула, с грохотом его отодвигая, – и не хотите говорить!

Она подошла к профессору вплотную, заставив того замереть. Ксения смотрела в его блекло-зеленые глаза. Профессор снял очки, разглядывая ее лицо.

– Как, впрочем, и вы... – Профессор вдохнул в себя воздух, задержав на секунду, выдохнул. – Что-то не договариваете.

– Ну! – Это Ксения процедила сквозь зубы.

– Абсолютно ничего, пока только предположения. – Он демонстративно открыл дверь перед Ксенией. – Только предположения...

Профессор смотрел сквозь стекло на входящий в вихор снежинок силуэт хрупкой женщины со стальным стержнем внутри и серьезными амбициями. Что-то в ней было не так – в ее взгляде, в мимике, когда они обсуждали рисунки девочки. Знакомые тени в цветовой гамме ее глаз напоминали ему что-то из прошлого, и недалекого прошлого.

Игорь Викторович смотрел сквозь дверное стекло на «особого пациента». Он всегда оценивал его положение на больничной койке, прежде чем входил к нему. Главврач, основываясь на личных наблюдениях, считал: если уж позиция собеседника выдает его внутреннее состояние, то поза лежащего больного также говорит о многом – о его физическом состоянии организма как минимум и о моральном как максимум.

Перебинтованная голова пациента склонена к груди, словно подсознательно он, разглядывая, искал изъяны в своем частично покалеченном теле.

Игорь Викторович, скрипнув дверью, вошел в палату. Пациент слегка дернулся, реагируя на внешний, раздражающий его сознание звук. Скрип половиц. Хруст оконных рам от натисков ветра. Разрывы далекой артиллерийской канонады. Относительно тихо по меркам идущей не первый год войны.

Он сел возле койки и принялся тщательно разглядывать пациента. Его лицо, посеченное мелкими осколками или камнями. Его дергающиеся веки. И зрачки глаз, нервно бегающие за этими веками.

Игорь Викторович считал, возводя свое мнение в ранг очередной научной теории: в спящем человеке, даже когда отдыхает его мозг, бодрствует, и даже трудится, его подсознание.

Поэтому то, что выдает человек движением тела, мимикой лица в этот момент, – это и есть его психическое и эмоциональное состояние на данном этапе жизни.

Правда, совершенно непонятно, почему Вяземский отбрасывал факт ранения и контузии человека в этом конкретном случае.

Пациент нервно дергал конечностями правой стороны, борясь с кем-то во сне. Он беззвучно шевелил губами в крике и даже, открывая рот, «кусал» что-то или кого-то. С учетом паралича левой части лица эти укусы были кривыми и какими-то недоразвитыми. До конца не произведенными.

Человек, лежащий перед Игорем Викторовичем, был больше похож на зверя. Или недоразвитого человека. Недочеловека.

Пациент внезапно заговорил. Скорее зашептал. Главврач, поворачиваясь правым ухом (левое плохо слышало после разрыва снаряда в окопах Гражданской войны) приблизился к голове, частично замотанной в бинты с кровоподтеками и пятнами мазей, жидкостей, выделяемых заживающими ранами.

Шепот прерывался хрипом. Но он разобрал слова.

– Жить... и убивать тварей...

Услышанное, шокировав главврача, заставило отодвинуться от пациента. И тогда он увидел открытые глаза и четко сфокусированный на нем взгляд. Расширенные темные зрачки притягивали, поработали.

– Ближе, – донеслось до Игоря Викторовича. – Ближе.

Игорь Викторович приблизился к самым губам пациента. Резкое движение. Боль. Боль, шокирующая и вызывающая произвольный крик. Он с трудом оторвался от пациента. Чей кривой рот был окровавлен. А глаза светились звериным блеском.

Игорь Викторович, держась за окровавленное ухо, успокаивает жестом руки вбежавшую на звук дежурившую в ночь медсестру.

Это начало. Начало работы с пациентом. Особенность которого загоняет врача в определенные особистом рамки.

*

– Егоров. – Капитан привстал, отвечая на звонок и услышав в трубке телефона «знакомый до боли» голос. – Да, товарищ Первый... Я занимаюсь этим вопросом... Все в рамках особой секретности.

Выслушав распоряжения сверху – а они были с самого верха его ведомства – Егоров невольно открыл сейф и достал стеклянный сосуд со спиртом. Плеснув в армейскую кружку, он выпил приличную дозу. Но он не ощутил ни жжения внутри, ни изменения эмоционального состояния.

Перед глазами дело командира партизанского отряда Кочубея. Поверхностно – личность, вне всякого сомнения, героическая. Более двух десятков крупных диверсий в тылу врага, не считая мелких вылазок. Неоценимая помощь фронту. Награды – ордена и медали.

Активная деятельность отряда под руководством Ивана Кочубея была схожа с умело скорректированными стратегическими и тактическими боевыми действиями. Это отдельная часть армии с опытным командиром во главе, ни больше ни меньше.

Руководитель? Бывший штрафник, лишившийся звания за банальную пьяную драку с армейским патрулем во время возвращения из госпиталя в расположение части. Несостыковка.

Да, возможны личные мотивы – ревность к девушке-медсестре, эмоциональный срыв... Потом осознание, искушение кровью. Возможно. Получить какую-либо информацию об Иване Кочубее до ранения и попадания в штрафной батальон не было возможности: его батальон, в котором он служил до этого, попал в «мясорубку» на одной из высот. Не выжил никто. Архив погибшего батальона недоступен.

Многое в этом деле беспокоило Егорова.

Раздробленный отряд Кочубея, лишившегося своего командира, действовал самостоятельно. Конечно, не столь эффективно, но тем не менее наносил удары по противнику несколькими отрезанными друг от друга группами. Остатки одной из таких групп и вышли навстречу к развивающему наступлению полку пехотной дивизии. Само собой, они подверглись тщательной проверке работниками особого отдела.

Вот здесь и поступила противоречивая информация на командира отряда Кочубея. Стал известным факт неподчинения приказу руководства действующей армии. Взятая отрядом языка вместо отправки через линию фронта (как было передано с приказом шифровкой в отряд) Иван Кочубей расстрелял лично, обосновывая отсутствием опытных бойцов, необходимых для переброски пленного немца через линию фронта. И взял за самостоятельно принятое решение всю ответственность на себя.

Не плачевно – боевые заслуги отряда компенсировали своевольность Кочубея. Егоров поморщился, налив себе еще полкружки. Выпил залпом, на выдохе.

Но вот утаение нескольких коробок с документацией вермахта под грифами особой секретности, отбитых у подразделения СС во время одной из боевых операций отряда, уже рассматривается под другим ракурсом.

Да, Кочубей подозревал предательство в отряде и не сообщил в штаб армии об архиве, боясь перехвата шифровки, опасаясь тем самым потери важных документов. Но неизвестно, для каких целей он увез архив, самостоятельно, в одиночку... Куда? Не поставив в известность других членов руководства отряда. Заявив, что спрятал документы в одном, известном только ему месте!

И вообще Кочубей, со слов действующих участников отряда, обладающих определенным авторитетом, а значит, заслуживающим доверие, очень часто отлучался из расположения отряда один, появляясь под утро, без каких-либо объяснений, игнорирующий вопросы товарищей по оружию о своем отсутствии.

Один из участников зимнего перехода партизанского соединения на другое место дислокации заявил об уходе в разведку Кочубея и еще двух бойцов отряда. Отряд мучил в тот момент голод. Часть незамерзших болот и горный ландшафт скрывали группу в триста человек от противника. Вылазки были смерти подобны: по ту стороны болот шныряли отряды карателей. Кочубей вернулся с одним из бойцов с целой подводой мелко нарубленного замороженного мяса, якобы отбитого у кухни немецкого батальона. Это помогло не умереть от голода отряду. Хотя мясо не было похоже на все известные виды животных, употребляемых ранее в пищу. Вернувшийся вместе с Кочубеем боец погиб от шальной пули. При первой же стычке с немцами.

Егоров, нахмурившись, закурил. Он помнил показания немца из младшего состава подразделения СС, чья часть была смята авианалетом и ударами передовых частей Красной армии. Он как-то загнанно рассказывал о смерти своего командира, очевидцем которой он стал, заявив, что пришедший сам(!) в расположение немецких войск партизан, за которого было назначено вознаграждение, буквально рвал грудную клетку оберштурмфюрера армейским ножом. Глаза партизана в тот момент были безумны.

Сам пришел в расположение немецкой части? Очевидцы из пробившейся группы партизан подтверждают факт ухода командира отряда, но якобы в разведку, о чем действительно было известно только нескольким членам руководства партизан, которые в итоге невозвращения Кочубея поставили в известность остальных бойцов отряда.

Один, в разведку, для подтверждения данных!? Действительно – безумие. Здесь Егоров полностью согласился с пленным эсэсовцем.

Капитан посмотрел на оставшуюся часть спирта и с сожалением убрал его в сейф. Выйдя на воздух, он вдохнул полной грудью его свежесть. Прислушался к гулу летящих вдалеке самолетов, залпам зениток и крикнул водителю:

– В госпиталь!

По дороге Егоров листал дело главврача. Точек для манипуляций предостаточно. А значит, есть все шансы для успешного завершения дела.

Никитин открыл фонарь и, обернувшись, увидел лицо штурмана, пропадающее во всполохах пламени. Рядом гремели пушки самолетов прикрытия и истребителей противника. Бой шел на нескольких «этажах». Разрывы снарядов, рев моторов. Бомбардировщик Никитина неумолимо приближался к земле. Сергей, перегнувшись через борт кабины, спрыгнул вниз. Его, уже висящего на раскрывшемся парашюте, собирался атаковать немецкий истребитель. Никитин видел, как ас люфтваффе, покачав крыльями, выпустил две короткие очереди из пушек.

Он проснулся, выдыхая. Стук. Стук в дверь. И бешеный стук сердца в груди.

На пороге комнаты Комов и... Ефимцева.

– Других методов будить еще не придумано? – Никитин смотрел с неприязнью на коллегу. – Есть телефон, например...

– Сейчас три ночи. – Ефимцева отвернулась от надевающего на себя галифе капитана. – Зачем будить твоих соседей – телефон в коридоре.

– А ты думаешь, вы их не разбудили?

– Ну, и нам было по дороге. – Ксения проигнорировала вопрос Сергея, уставившись на фотографию летчиков боевого звена Никитина так, словно она в прошлый раз упустила важную деталь, запечатленную на этом снимке. – Собирайся побыстрее, капитан, у нас очередное убийство.

– Гриша! – Никитин растирал холодную воду на лице грубым вафельным полотенцем. – Поднимайся в следующий раз один.

– Да бросьте, Никитин. – Ксения усмехнулась, отрываясь от фотографии. – Нет в вас ничего такого... нового, вызывающего стремление бежать и стараться изо всех сил увидеть... Чая я рассчитывала попить, согреться, пока вы собираетесь.

Никитин посмотрел на Комова, приподнявшего брови в удивлении.

– Так вы же сами торопите, – Сергей развел руки в стороны, не выпуская из них полотенца, – товарищ лейтенант особого отдела?

– Ну да, тороплю. – Она направилась к двери. – Вы же в милицию пришли из тяжелой авиации... Приходится вас стимулировать своим появлением. Идемте, идемте, некогда болтать. Дело у нас.

*

Схожесть преступлений была налицо. Полураздетое тело мальчика помещено на стол, ноги, как и у предыдущей жертвы: ступня одной из конечности прижата к колену другой, а вот руки – правая согнута в локте и уперта в бок, а левая рука поднята вверх. Линии четкие и прямые. Догоревшая свеча возле подмышки поднятой руки. На теле темнеют срезанные полосы плоти. Маска удивления, застывшая на лице мальчика.

Обстановка квартиры говорила о достатке по послевоенным меркам. Хозяин квартиры обеспечивал продуктами членов наркома партии. Мать домохозяйка. Соответственно, единственный мальчик в семье был упитан и как жертва вполне «пригоден» для утоления голода.

– Василиса Васильевна? – Ксения смотрела в окно на кружащиеся за ним снежинки.

– Идентичность метода убийства: колотое ранение в сердце, мгновенная смерть жертвы. – Монотонно говоря, Василиса тяжело вздохнула. – Гематомы – несколько пятен на шее, ну это, вероятно, во время захвата, перед нанесением удара... Тот же характер среза плоти – очень и очень острый нож.

– Что-то ещё?

– Пока всё. – Три "В" отвернулась от жертвы, уступая место фотографу. – Остальное – после вскрытия тела.

Ксения, повернувшись, моргая от вспышек фотоаппарата, искала глазами Никитина. Тот, бледный, стоял возле двери. Она сжала губы и кивнула входящему в комнату Комову.

– Родители вернулись от знакомых в полночь, дверь была полуоткрыта, свет включен в гостиной. – Гриша листал свой блокнот, отсеивая ненужную информацию. – Они, соответственно, в гостиную – тут такое... Соседи ничего не слышали. Следов взлома на двери нет.

– Что-то пропало из вещей? – вставил борющийся с нахлынувшей на него тошнотой Никитин.

– Им сейчас не до этого, мать с трудом реагирует на голос мужа. – Гриша поморщился, пропуская перед собой людей с носилками. – Думаю, опросим потом.

– Это сфотографируй, Витя, – раздался голос Ежова, все повернулись к Олегу, к его указательному пальцу: смазанная кровь на полке секретера, – как можно ближе!

Яркий свет фотовспышки камеры выделял тело, лежащее на столе. Это действительно было похоже на послание. На страшное. Словно с того света. А вокруг люди, застывшие в различных позах в разных точках комнаты, не способные прочесть сообщение. Силуэты. Образы.

Ксении показалось: эти образы ее товарищей напоминают рисунки Кати. Мрачные. Нелюдимые в скорби по утрате. По утрате не близкого им человека. Ей стало трудно дышать, она открыла окно, пытаясь вдохнуть свежий зимний воздух, но не могла – он словно не поступал в квартиру. Вакуум.

– Предусмотрительны... – донеслась фраза Ежова до слуха Ксении. – Повсюду рассыпаны специи, кинолога вызывать нет смысла.

Тело мальчика вынесли из гостиной. Нечеловеческий вой матери, словно раненой волчицы, в соседней комнате, видящей вынос ее ребенка. Увиденный сюжет отдельным кадром – по коридору в дверном проеме.

В гостиной было неуютно и тесно. Нет, не от ее метража, ее площади. На самом деле, она была просторной. Сама атмосфера – комната, ставшая залом для жертвоприношения, – ужасала своей принадлежностью к ритуалу. Тесно от человеческих эмоций, бурлящих в каждом находящемся в ней. Подсознательный ужас людей, внешне выражающих спокойствие и уверенность в себе и в деле, которым они занимаются.

Убийца, отправив послание (если это было послание) добился своего. Люди, не прочитавшие его, но осознающие весь его ужас, находились в ступоре.

Вывел их из него вбежавший в квартиру Михаил. Он опрашивал соседей по дому.

– Их было двое как минимум. – Михаил, звеня посудой, налил из графина стакан воды, разряжая атмосферу, выпил залпом. – Сосед напротив курил и видел в окно: один из них очень высокий, сомневается, но, может, военный... Как ему показалось, он шел вторым, они скрылись в арке.

– Что-то конкретное он заметил? – Никитин первым направился к выходу из гостиной.

– Нет, было темно. Сами видели, какое освещение в подворотне. – Михаил, осмотрев всех, тоже направился к выходу. – Так, тени, силуэты...

За ними из гостиной вышли остальные члены группы. Ксения выходила последней, ее качало из стороны в сторону.

Вошедший в автобус Никитин закрыл за собой дверь. Мотор, чихнув, завелся со второго раза. Матюгнулся сержант-водитель. Ровный гул убаюкивал невыспавшихся людей.

Ксения дрожала, прислонившись к холодному металлу салона. Очистив от инея поверхность стекла, она смотрела на слабо освещенные улицы города, ночного, мрачного.

Доктор села рядом.

– Ты как? – Василиса толкнула ее по-дружески в бок.

– Нормально... – Ксения едва заметно улыбнулась, глядя в живые глаза доктора.

– Выглядишь не очень, может, заболела?

– Нет, я в порядке. – Она еще раз натянуто улыбнулась.

– Одна живешь?

– Да.

– Давай ко мне заходи, – Василиса подмигнула ей, – лечить тебя буду. С сорванцами моими познакомишься. Своих-то нет еще?

Ксения сжала зубы, отвернувшись, потупила взор.

– Нет.

Диалог перебил повернувшийся впереди сидящий Никитин, пробуждая остальных членов группы, дремлющих и качающихся в ритм движения автобуса.

– Игрушки! – Сергей, повернувшись, посмотрел в глаза Ксении и, увидев непонимание, отвернувшись, продолжил: – Отец мальчика говорит, там стояли детские игрушки. На мебели, где мы обнаружили следы крови. Плюшевый слон и пожарная машина, это любимые предметы из детства подростка, никто к ним не прикасался, кроме уборщицы, уже несколько лет...

Ксения прижалась к Василисе, чувствуя ее тепло, закрыла глаза.

– Странные ноты инфантильности в ужасных поступках, – прошептала доктор, по-матерински прижимая Ксению к себе. – Это делает их деяния еще ужаснее.

*

Кабинет. Раскрасневшиеся от мороза лица. Согревающий всех невкусный чай. Часы бьют шесть. Утро. Отодвинуты шторы. Но за окном по-прежнему темно. Тем не менее, самообман, связанный с открытием штор, пробуждает.

– Почему его? Или их интересуют игрушки? – Никитин задает вопрос, ответ на который мучит всех.

– Вероятно, он живет не один. – Олег Ежов мастерит фигурки из бумаги – оригами, ставит на стол чуть кривоватого журавля. – И, принося с места преступления игрушки, дарит их... – он оглядел всех и пожал плечами, – как бы страшно это ни звучало, ребенку или детям.

– Почему он не забрал куклу с предыдущего места преступления?

– Может, не хватило времени... – Ежов, задумавшись, монотонно размешивал ложкой не существующий в чае сахар.

– Или рук... – Михаил закашлялся, увидев обращенные к нему взгляды. – Ну... Мы же не знаем, сколько было там кукол или игрушек, может, мы видели единственную оставшуюся вещь из нескольких.

– Об этом нам может сказать только Катя... – Никитин повернулся к выглядевшей отчужденно Ефимцевой. – Ксения Павловна, вы были в клинике, как там девочка? С ней можно говорить?

Ксения, кутающаяся в плед и все еще дрожащая от холода или чего-то другого, необъяснимого, не сразу реагирует на вопрос.

– Нет. – Она прикуривает свою длинную папиросу и поднимает глаза на Никитина. – Девочка в тяжелом эмоциональном состоянии, профессор Вяземский... меня отговорил от столь раннего посещения, опасаясь усугубления и без того критического состояния ребенка.

– Вы убиваете себя никотином, Ксения Павловна. – Ежов, не отрываясь от оригами, хмурится.

– Значит, там ничего? – Никитин морщится от внезапно проявленной заботы товарища.

– Пока нет. – Ксения, выпустив дым в потолок, отрешенно отвернулась к окну. – Профессор взял номер телефона отдела и обещал позвонить при первом же улучшении состояния пациентки.

– Мне интересно, как он проникает в квартиры? – Михаил рассматривал фотографии с места преступлений. – Ни следов взлома, ни следов борьбы в районе входных дверей. Ладно днем, но в полночь?

– Действительно, – Ежов начал сгиб очередной бумажной фигурки, – это в период, когда население предупреждено о возможных кражах и ограблениях, связанных с ростом преступлений в городе и области. Они сами открывают ему дверь?

– Возможно... – Никитин задумчиво взглянул на Ефимцеву. – И все-таки меня беспокоит эта инфантильность, проявившаяся внезапно. Насколько я помню, в предыдущих случаях подобного не было, не так ли, Ксения Павловна?

– Да, я тоже не заметила. – Ксения тушила ставшую ей противной папиросу. Возможно, и эта навязчивость Никитина вызывала в ней подобные ощущения.

– С вами все в порядке?

– Более чем. – Ксения, поморщившись, взяла кружку с вновь налитым чаем, отогревая онее руки.

– Да... И он как-то зачастил, – Ежов, помещая свое очередное творение на стол, поправил челку, – с появлением этой инфантильности. Не находите? Раньше убийства совершались раз в три-четыре месяца, сейчас с последнего прошла всего неделя. Может, это как-то связано с инфантом?

– Хорошо, Олег, ты и пробьешь по всему региону, не пропадали ли где-либо за последнее время дети. – Никитин сел на стол возле стенда с фотографиями жертв. – Срок давности пропаж и возраст определишь сам. Занимайся!

– Не факт, что в его окружении появился ребенок... – Василиса впервые оторвалась от своих записей в тетради. – У людей с частичными умственными отклонениями и не только, как показывает практика, с возрастом появляется тяга, причем ярко выраженная, к предметам, недостающим им в детстве. И это зачастую просматривается у вполне здоровых людей. Коллекционирование и прочее. Может, ему просто не хватало игрушек в детстве?

– Спасибо, доктор. – Никитин задумчиво посмотрел на фото тела первой жертвы. – Работаем, Олег, работаем... – Он посмотрел на Ежова, отвлекшегося на интерпретации доктора.

– Миша, – Сергей зачем-то поменял местами фотографии на стенде, – через дежурного оповести ночные... или нет – все патрули о высоком человеке, одиноком или в составе группы, возможно с ребенком. Предельное внимание, обо всех подозрительных докладывать сразу непосредственно нам.

– Комов, что там с твоими иероглифами, школьными посланиями? – Сергей взглянул на Гришу, когда за Михаилом закрылась дверь. – Есть какие-то соображения?

– Нет. Не работал ещё над этим. – Недоумение на лице Никитина подняло его со стула. – Ну так я пойду?

– Иди, Гриша, иди...

– Ну а мне, – поднялась Василиса Васильевна с виноватым видом, – еще предстоит нелегкий диалог с судмедэкспертом, я ушла.

Они остались вдвоем. Никитин, налив чай, пил его. Ксения, закурив, подошла к окну, взглядываясь во мглу утренних сумерек, сквозь стекло, до конца не отмытое от маскировочной краски.

– Браво, капитан. – Ксения, повернувшись, села за стол. – Ваша активность впечатляет.

– Не могу же я дать заглохнуть машине следствия, – Никитин усмехнулся, глядя в глаза Ксении, – когда ее основной двигатель, извините, хандрит...

– Я и говорю: браво, капитан. – Она отвернулась, почувствовав, как на ее глазах наворачиваются слезы. – И большое спасибо.

– Ксения Павловна? – Никитин вкрадчивым голосом остановил ее уже возле двери. – Ничего не хотите рассказать?

– Не сейчас, капитан!

Она, выйдя, забежала в туалет и плакала там, закрыв лицо руками, едва сдерживая рвущийся наружу рев. Рев раненой дикой кошки...

– Что с вами, Игорь Викторович? – Егоров критически взглянул на перебинтованную голову главврача, усмехнулся над его очками с резинкой, перетянутой поверх повязки. – Вы изменились с нашей последней встречи.

– Издержки профессии, знаете ли... – Главврач потрогал перебинтованное ухо, морщась от боли.

– Я бы рекомендовал вам поберечь себя. – Егоров осмотрел кабинет, портреты медиков с мировыми именами, висящие на стене. – Жертва в вашем лице не поможет ни нашему делу, ни спокойной жизни вашей любимой дочери. Понимаете меня?

– Вполне, вполне... – Игорь Викторович, волнуясь, налил стакан воды и, стуча зубами о стекло, опустошил его. – Мне всё предельно ясно.

– Ну и хорошо. – Егоров открыл портфель, доставая папки и сортируя их перед собой на столе. – Что там с нашим пациентом?

– Агрессия, нечеловеческая агрессия, связанная с контузией, а возможно, – главврач наполнил еще один стакан водой, но не прикоснулся к нему, – и с какой-то психологической травмой, полученной ранее...

– Доктор! – Егоров внимательно посмотрел в бегающие глаза главврача. – Сейчас идет война, если не заметили. Что само по себе и есть большая психологическая травма, основанная на гибели миллионов людей. Вряд ли найдется семья, в которой не погибли бы ее члены. Мы говорим о человеке, который героически воевал в тылу врага, ковал победу, так же, как вы и я, только в условиях, в десятки раз более опасных! Он, понимаете ли, не из санатория после отпуска к нам прибыл, а из самых опасных очагов войны. Конечно, вы находите в нем вспышки необъяснимой агрессии, да и ещё с учетом контузии... Мне ли вам об этом всем говорить?

– Вы не понимаете, – почему-то шепотом проговорил главврач. – Я во время написания диссертации сталкивался в работе с людьми с ярко выраженными психическими отклонениями. Я видел их глаза. Реакцию на окружающее, несвоевременное сужение и расширение зрачков глаз при смене пациентом эмоциональных ощущений; выражение страха, граничащего с диким ужасом, всплески необъяснимой агрессии во время эмоционального подъема.

– Из всего вами сказанного, доктор, я делаю вывод, – Егоров разжал сложенные в замок пальцы рук, – что вы утверждаете, что наш пациент психически не здоров. Так?

– Да.

Егоров, поднявшись, принялся ходить по кабинету из угла в угол.

– Тогда подумайте, доктор, прежде, чем дать ответ, – капитан остановился возле окна, закрашенного светомаскировкой, – мог ли в подобном состоянии человек командовать относительно большой группой людей, успешно командовать(!), совершая с находящимися под его командованием людьми успешные боевые операции?

– Знаете, капитан, – Игорь Викторович все-таки опустошил стоящий перед ним стакан с водой, – множество героических подвигов, которые знает история, связаны с отчаянием, с бесстрашием, храбростью, граничащим с безумием людей, совершавших их, а где-то переходящих даже эту грань.

Егоров, повернувшись к нему, стиснул зубы.

– Вы что, сейчас серьезно, доктор?

– Вполне. – Игорь Викторович достал колбу со спиртом и уже в пустой стакан налил из нее. – Вспомните фанатиков-революционеров, их подвиг, героизм... – Выпив, он увидел недоверие в глазах собеседника. – Ну хорошо! Это... – Игорь Викторович указал рукою на перебинтованную голову: – Это вам что-то говорит?

– Вы хотите сказать...?

– Именно! – Игорь Викторович буквально выкрикнул. – Это сделал он!

Егоров сел на стул, все еще не веря услышанному. Он налил себе из колбы главврача и, взглянув, как ему показалось, в не совсем вмняемые глаза собеседника, выпил спирт.

– И...?

– И, откусив кончик мочки моего уха, – главврач снова понизил голос до шепота, – он не выплюнул его, а жевал... Причем жевал, как пищу!

Перед глазами Егорова поплыли строчки из показаний партизан о привезенном в отряд Иваном Кочубеем замороженном мясе, мелко нарубленном и не похожем ни на один сорт животной плоти.

Слова, сказанные пленным эсэсовцем о звериной жестокости, с которой терзал грудную клетку его командира освобожденный из плена авианалетом партизан. И немец, явно что-то при этом не договаривающий, чего-то опасующийся.

Волосы невольно зашевелились на голове Егорова, поднимаемые пришедшим со спины потоком мурашек.

На этот раз Ксению пропустили быстро. Едва она назвала имя профессора Вяземского.

Она лишь доли секунд помялась перед входом в клинику, хрустя на снегу подошвами ее несезонных сапог. Она взглянула на садящееся солнце так, как смотрят на светило уходящие надолго в подземелье люди.

– Вы правы, – Вяземский с улыбкой отреагировал на впечатления Ксении, – здесь совсем другой мир, другие люди и, соответственно, другая атмосфера, но... – он по-джентельменски открыл дверь перед спутницей, – я бы не стал сравнивать его с подземельем. Те лучики света, которые отблеском вырываются из душ наших пациентов, очень и очень яркие, но они вряд ли осветят темноту сознания людей, живущих по ту сторону забора нашего заведения. Взять хотя бы ваше дело...

– Это снова случилось, профессор... – Ксения кивком поблагодарила Игоря Викторовича за помощь в снятии верхней одежды. – И это был снова ребенок, мальчик.

– Расскажите?

– Подпишетесь?

– Бестактно, – Вяземский, ухмыляясь, взял в руки ручку, – не верить присягнувшему уже когда-то Гиппократу.

– Правила, профессор. – Ксения закурила папиросу, делая несколько глубоких затяжек. – Вы же, когда оперировали, каждый раз мыли руки, а не только однажды – впервые войдя в операционную!?

– Откуда в вас это, Ксения? – Профессор занялся ритуалом приготовления чая. – Сравнить несравнимое. А впрочем, в наше время... Рассказывайте!

Пока Ксения вела свой мрачный монолог, двигая к себе и от себя поочередно кружку с чаем, пепельницу и курительные приборы, перемещался по кабинету и Вяземский. Он то подбегал к окну, то к двери, успел посидеть на всех стульях кабинета, то вскакивая с них, то медленно опускаясь с озабоченным выражением на лице.

– Мораль той басни такова, что плоть он резал, не засучив рукава... – после всего услышанного, рифмуя, проговорил профессор.

– Что, простите? – Ксения удивленно подняла брови, отрываясь от полуостывшего чая.

– Странно...

– Что именно?

– Всё! И в частности, ваше непосредственное участие в этом деле. – Вяземский рассматривал Ксению, словно видел впервые.

– О чем вы, профессор? – Свое замешательство она попыталась скрыть в дыму очередной папиросы.

– Серийность налицо, маниакальность... – Профессор поднялся, увидев сквозь дым в глазах собеседницы подтверждение своих предположений. – Лучше всего поймет убийцу с отклонениями человек, способный пережить подобное состояние... Согласны со мной?

– Частично. – Ксения нервно жевала мундштук папиросы.

– Или же специалист, имеющий опыт работы с людьми с патологией. – Вяземский подошел к окну. – В первом случае человек, понимая, что сделал бы он сам в той или иной ситуации, читает шаги преступника. Эти предположения строятся на эмоциях, желаниях, пусть даже на скрытых глубоко в подсознании. Пусть даже в выражаемых в несколько иной форме. Но они маниакальны. Опыт работы специалиста в данной области формируется на сравнении состояния пациентов со схожими симптомами, и методика лечения основывается на результатах этого сравнения.

– И!?! – Ксения нервно сжала мундштук папиросы между пальцами.

– Вы не специалист в этой области, Ксения Павловна. – Вяземский склонился над столом, глядя в глаза внутренне сжавшейся девушки. – Не убийца. Вы, скорее... – Он вздохнул, глубоко закатывая глаза и поднимая голову. – Вы, скорее, жертва, которая... – он опустил голову, открывая глаза и снова приковывая свой взгляд к ней, – испытала подобное на себе и может... чувствовать убийцу на своей эмоциональной частоте.

Ксения медленно поднялась, туша папиросу в кружке из-под чая.

– Не хотите рассказать мне о себе? Его выцветшие глаза с расширенными зрачками ни разу не моргнули.

– Не сегодня, профессор! – Ксения, сглотнув, медленно опустилась на стул. – Я здесь по делу. Я могу поговорить с Катей?

– Не сегодня, Ксения, не сегодня... – Уголки его губ дернулись.

– Она рисовала? – Ксения с хрустом сжала зубы, видя ухмылку на лице Вяземского.

– Да, кое-что.

– Я могу взглянуть?

– Конечно. – Он достал из стола папку и положил перед ней. – Не составлю вам компанию. Увы, много работы. Как закончите, положите в ящик стола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.